

DİLÇİLİK**UOT 81****ЭТНОЛИНГВИСТИКА КАК ОБЛАСТЬ ЯЗЫКОЗНАНИЯ****Аида Акифовна МИРЗОЕВА**

*Западно-Каспийского Университет
Педагог английского языка, кафедры
Английского языка и литературы, диссертант*

a_mirzoyeva@yahoo.com

РЕЗЮМЕ

Этнолингвистика (иногда называемая культурной лингвистикой) - область лингвистики, которая изучает связь между языком и культурой и то, как разные этнические группы воспринимают мир. Это сочетание этнологии и лингвистики.

Этнология изучает образ жизни целого сообщества: все характеристики, отличающие одно сообщество от другого. Такие характеристики образуют культурные аспекты сообщества или общества.

Этнолингвистика - это часть антропологической лингвистики, которая связана с изучением взаимосвязи между языком и культурным поведением тех, кто на нем говорит.

Этнолингвисты изучают, как восприятие и концептуализация влияют на язык и устанавливают взаимосвязь с разными культурами и обществами.

Ключевые слова: язык, культура, мир, мышление, мировоззрение

ETNOLINQVİSTİKA DİLŞÜNASLIĞIN SAHƏSİ KİMİ**XÜLASƏ**

Etnolinqvistika (bəzən mədəni dilçilik) dil və mədəniyyət arasındakı əlaqəni və müxtəlif etnik qrupların dünyanı necə qəbul etdiyini öyrənən dilçilik sahəsi, etnologiya və dilçiliyin birləşməsidir.

Etnologiya cəmiyyətin həyat tərzinə aiddir: bir cəmiyyəti digərindən fərqləndirən bütün xüsusiyyətləri nəzərə alır. Belə xüsusiyyətlər bir cəmiyyətin və ya cəmiyyətin mədəni aspektlərini yaradır.

Etnolinqvistika antropologiya dilçiliyinin bir hissəsi kimi dil ilə mədəni davranışların arasında olan əlaqələri tədqiq edir.

Etnolinqvistlər qavrayış və konseptualizmin dilə təsirini və müxtəlif mədəniyyət və cəmiyyətlərə necə bağlı olduğunu araşdırırlar.

Açar sözlər: dil, mədəniyyət, dünya, şüur, dünyagörüşü

ETHNOLINGUISTICS AS A BRANCH OF LINGUISTICS

SUMMARY

Ethnolinguistics (sometimes called cultural linguistics) is a field of linguistics that studies the relationship between language and culture and how different ethnic groups perceive the world. It is the combination between ethnology and linguistics.

The former refers to the way of life of an entire community: all the characteristics that distinguish one community from the other. Such characteristics make the cultural aspects of a community or a society.

Ethnolinguistics, that part of anthropological linguistics concerned with the study of the interrelation between a language and the cultural behaviour of those who speak it.

Ethnolinguists study the way perception and conceptualization influences language and show how that is linked to different cultures and societies.

Keywords: language, culture, world, conscience, outlook

Этнолингвистика (от греч. *éthnos* – народ, племя)- область языкознания, изучающая язык в его взаимоотношении с культурой. Центральными для этнолингвистики являются следующие две тесно взаимосвязанные проблемы, которые можно назвать «когнитивной» (от лат. *cognitio* – познание) и «коммуникативной» (от лат. *communicatio* – общение).

Как самостоятельное направление этнолингвистика возникла в США в конце 19 – начале 20 вв. в рамках так называемой «культурной антропологии» (или, по американской традиции, собственно «антропологии», от греч. *ánthropos* 'человек') – комплексной науки, предметом которой является всестороннее исследование культуры с использованием этнографических, лингвистических, археологических и др. методов. Поэтому в работах, ориентированных на американскую традицию, вместо термина «этнолингвистика» (или наряду с ним) часто употребляют термин «антропологическая лингвистика» – для исследований, посвященных преимущественно когнитивной проблематике, или термин «лингвистическая антропология» – для исследований, посвященных преимущественно коммуникативной проблематике.

Хотя различие между антропологической лингвистикой (этно-лингвистикой с «когнитивным уклоном») и лингвистической антропологией (этнолингвистикой с «коммуникативным уклоном») иногда оказывается весьма условным, в целом его суть хорошо демонстрируется примером, приводимым в учебнике Введение в антропологическую лингвистику американского лингвиста Уильяма Фоли).

Первоначально культурная антропология была ориентирована на изучение культуры народов, резко отличающихся от европейских, прежде всего – американских индейцев. Именно языки американских индейцев, не имеющих письменной традиции, долгое время были основным объектом изучения этнолингвистики, причем и установление родственных связей между этими языками, и описание их современного состояния подчинялись прежде всего задаче комплексного описания культуры этих народов и реконструкции их истории, в том числе путей миграции.

Запись и интерпретация текстов, бытовых и фольклорных, была неотъемлемым компонентом антропологического описания. При этом выяснилось, что традиционные принципы и методы лингвистического описания, удобные для языков Европы, оказались непригодными для «экзотических» языков. Трудности, связанные с европоцентричностью исходных лингвистических установок исследователей, возникали и при установлении звукового состава индейских языков, и при составлении словарей, и при описании их грамматики. Поэтому с самого своего возникновения этнолингвистика ориентировалась на поиск таких принципов и методов лингвистического описания, которые базировались бы на универсальных свойствах человеческих языков, позволяли бы адекватно отразить сходства и различия языков разных типов, представить данные языков разных типов в сравнимой форме. Это объясняет интерес этнолингвистики к вопросам о том, в какой мере языковая способность человека является врожденной и универсальной, а в какой представляет собой отражение и воплощение конкретной культурной реальности. Далее естественным образом следуют и вопросы о том, в какой мере восприятие окружающего мира является универсальным для носителей любых языков и культур, а в какой складывается под воздействием лексической и грамматической специфики конкретного языка. Решение этих вопросов непосредственно связано с центральным для этнолингвистики понятием «лингвистической относительности».

Термин "этнолингвистика", наряду с термином "антропологическая лингвистика", широко употребителен в романских странах, где проблема «язык и культура» разрабатывается во многих направлениях, порождая такие разные дисциплины, как лингвистическая этнография (объектом изучения которой является общество, культура, человек) и этнографическая лингвистика (объектом которой является язык в его отношении к

культуре). Есть также фольклористическое направление этнолингвистики, которые изучают язык фольклорных жанров, ритуальные языки и т. п., - направление, изучающее

«картину мира» с подразделами «этнозоология», «этноботаника», «народная металингвистика», семантические поля времени, пространства, цветообозначений, частей тела, терминов родства, антропонимии и т. п.

Этнолингвистика в славистике – сравнительно новая дисциплина; её задачи, предмет и объект, методы, соотношение с другими гуманитарными дисциплинами сформулировал Н. И. Толстой. Для Н.И. Толстого, этнолингвистика [8, с.173-204] «есть раздел языкознания или – шире - направление в языкознание, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции».

Н. И. Толстой дальше пишет об этнолингвистике в широком и суженном понимании. В первом случае она включает в себя диалектологию, язык фольклора и часть истории языка, связанную с исторической диалектологией и культурной и этнической историей народа, наконец, почти все аспекты изучения языка как социального явления. В узком смысле этнолингвистика – отрасль языкознания, которая ставит и решает проблемы взаимосвязи языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т. п. Объектом изучения такой этнолингвистики является уже не только язык (хотя он признается главным выразителем и хранителем культурной информации во времени), но и другие формы и субстанции, в которых выражает себя коллективное сознание, народный менталитет, сложившаяся в том или ином этносе или вообще социуме «картина мира», т. е. восприятие окружающей человека действительности, её категоризация и интерпретация. Объектом «широкой» этнолингвистики становится вся народная культура, все её виды, жанры и формы – вербальные (лексика и фразеология, паремиология, фольклорные тексты), акциональные (обряды), ментальные (верования).

Н.И.Толстой настойчиво выдвигал на первое место задачу реконструкции традиционной славянской культуры, семиотически понимаемой как система социально значимых инвариантных концептов, варьирующихся в пространстве и времени. Одним из подходов к решению этой задачи и было составление словаря. Во многом влиянием взглядов Н. И. Толстого среди источников его подхода также работы по теории стереотипа американского философа языка Х. Патнэма, американская когнитивная лингвистика, этнолингвистическая семантика А. Вежбицкой, а также труды И. А. Мельчука, А. К. Жолтовского и др.

Итак, и в западной, и в русской этнолингвистике одно из ключевых мест занимает проблема всестороннего анализа «картины мира» [2, с.416].

Попробуем подробнее остановиться на этом феномене. Различают два подхода к предмету, а следовательно и два типа «картины мира»: концептуальный и языковой. Под концептуальной «картиной мира» понимают совокупность некоторых представлений, понятий, суждений о мире, организованных в определённую концептуальную систему. Языковая же «картина мира» - это та часть концептуальной «картины мира», которая имеет языковую, вербальную фиксацию. Идею взаимосвязи языковой и концептуальной картины мира поддерживает В. Н. Телия [7, с.8-69]: «Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную картину мира в национально-культурные цвета».

Нам представляется, что последнее определение искусственно сужает границы языковой «картины мира». Действительно, любая концептуальная система предполагает собственный знаковый характер, а следовательно – является системой семиотической. Таким образом, анализировать языковую «картину мира» только как часть концептуальной возможно, но этот путь не единственный, так как в данном случае часть оказывается равна целому. Каждый структурный элемент концептуальной «картины мира» необходимо отражается в языке и может быть рассмотрен с точки зрения языка. Другое дело, что ряд этих элементов имеет изначально языковой, вербальный характер и просто не может быть рассмотрен без учёта такой точки зрения. Именно здесь видится возможность узкого и широкого понимания языковой «картины мира» (в первом случае – широкое, во втором – узкое).

Языковую картину мира принято противопоставлять научной. По мнению В.И. Постоваловой [6, с.408-411], картина мира есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека. Концепция мира в разные исторические периоды и в разных культурах и языках рассматривались в работах В.В. Иванова и В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян, Е.С. Яковлевой, А.Ф. Лосева, С.С. Аверинцева, Д.С. Лихачева, И.П. Смирнова и других. Е.С. Кубрякова [4, с.37-298] рассматривает языковую картину мира как составную часть общей концептуальной модели мира в голове человека, понимая ее как проблему вклада языка и языковых категорий в выработку и создание глобальных принципов восприятия и членения мира.

В. фон Гумбольдт высказывает мысль о том, что видение мира определяется не только индивидуальностью конкретного человека, но в первую очередь зависит от характера языка, на котором он говорит. Гумбольдт пришёл к мысли о том, что разные языки – это не просто разные оболочки общечеловеческого сознания, но различные видения мира. В теоретическом введении, которое назвалось «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества», В. Гумбольдт [3, с.13-38] писал: «В каждом языке заложено самобытное

миросозерцание. Как отдельный язык встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, действующей на него изнутри и извне... И каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же выступает в круг другого языка».

Идеи Гумбольдта развивали А.А. Потебня, Э.Сепир и Б.Уорф. Гипотеза лингвистической относительности Э.Сепира и Б.Уорфа убеждает в том, что люди видят мир по-разному. Согласно этой гипотезе, язык творит картину мира, и не только само мышление, но и мировоззрение. Исходя из вышесказанного, каждый народ по-своему отражает реальный мир. По мнению Н.А.Бердяева [1, с.72], вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. И именно через национальную индивидуальность каждый отдельный человек входит в человечество, он входит в него как национальный человек. Этнос [6, с.408-411] – это понятие говорит о тесных связях "народа" и "языка", "культуры" и "образа жизни" в сознании людей: один народ – это те, кто говорит на одном языке, а язык – это то, на чём говорит народ, он объединяет народ и отличает его от других народов.

Представление о лингвистической относительности было впервые высказано в работах основоположника этнолингвистики выдающегося американского антрополога Франца (иначе Франса) Боаса (1858–1942) и его ученика Эдварда Сепира (1884–1939), однако наиболее отточенную и полемически заостренную формулировку соответствующих идей в виде принципа лингвистической относительности (по прямой и намеренной аналогии с принципом относительности Альберта Эйнштейна) это понятие получило в работах ученика Сепира – Бенджамина Уорфа (1897–1941).

Согласно принципу лингвистической относительности, так называемая «картина мира» говорящего (то, как говорящий воспринимает окружающий мир) зависит не только и даже не столько от наблюдаемой реальности, сколько от той классификационной сетки, которую конкретный язык с его грамматикой и лексикой навязывает говорящему. Знаменитый пример Уорфа связан с разной функцией числительных в языке американских индейцев хопи (уто-ацтекская ветвь тано-уто-ацтекских языков; на нем говорит несколько тысяч человек на северо-востоке Аризоны), с одной стороны, и в английском языке, принадлежащем к группе, названной Уорфом языками «среднеевропейского стандарта», – с другой. (Понятие «языки среднеевропейского стандарта», англ. Standard Average European, SAE, прочно вошло в научный обиход и в современном языкознании широко употребляется и за пределами этнолингвистики, в частности в лингвистической типологии. К языкам среднеевропейского стандарта от-

носятся и русский.) В языках средневропейского стандарта, замечает Уорф, количественные числительные могут сочетаться как с именами физических, наблюдаемых объектов, так и с абстрактными именами, обозначающими отрезки времени или циклические, повторяющиеся события. Иными словами, используя одну и ту же форму количественного числительного, мы можем сказать и десять человек, и десять дней (ударов колокола, шагов). В языке же хопи количественные числительные сочетаются только с физическими объектами, т.е. такими, количество которых может одновременно наблюдаться говорящим; абстрактные же имена, обозначающие отрезки времени или повторяющиеся события, могут сочетаться только с порядковыми числительными: десять человек, но десятый день (удар колокола, шаг). Согласно Уорфу, это означает, что в картине мира европейца каждый отдельный отрезок времени или повторяющееся событие предстают как штучные экземпляры, существующие в реальности независимо друг от друга, но могущие объединяться в группу, подобно множеству одновременно наблюдаемых объектов. Представление же о времени в картине мира индейцев хопи устроено иначе: отрезки времени или повторяющиеся события предстают как повторные воплощения одной и той же сущности: десять дней – это один и тот же день, повторившийся десятикратно. Предполагается, что такого рода различия в картинах мира навязываются говорящему языком – в данном случае, например, жесткими правилами употребления числительных.

Несмотря на намеренную полемичность формулировок, как Уорф, так и его предшественники Боас и Сепир не абсолютизировали лингвистический и культурный релятивизм. Скорее, они считали приоритетным для этнолингвистики исследование различий, а не сходств между картинами мира в разных языках и культурах – безусловно, признавая единые биологические и психологические основания языковых и мыслительных возможностей человека.

В современных когнитивно ориентированных исследованиях по этнолингвистике, в том числе и в исследованиях, посвященных таксономическим классификациям, можно условно выделить «релятивистское» и «универсалистское» направления: для первого приоритетным является изучение культурной и языковой специфики в картине мира говорящего, для второго – поиск универсальных свойств лексики и грамматики естественных языков.

Примером исследований релятивистского направления в этнолингвистике могут служить работы А.Вежбицкой, Т.В.Бульгиной, А.Д.Шмелева, Е.С.Яковлевой и др., посвященные особенностям русской языковой картины мира. Эти авторы анализируют значение и употребление слов, которые либо обозначают уникальные понятия, не характерные для концептуализации мира в других языках (тоска и удаль, авось и небось),

либо соответствуют понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры или получающим особую интерпретацию (правда и истина, свобода и воля, судьба и доля).

Примером исследований универсалистского направления в этнолингвистике являются классические работы А.Вежбицкой, посвященные принципам описания языковых значений. Цель многолетних исследований Вежбицкой и ее последователей – установить набор так называемых «семантических примитивов», универсальных элементарных понятий, комбинируя которые каждый язык может создавать бесконечное число специфических для данного языка и культуры конфигураций. Семантические примитивы являются лексическими универсалиями, иначе говоря, это такие элементарные понятия, для которых в любом языке найдется обозначающее их слово. Эти понятия интуитивно ясны носителю любого языка, и на их основе можно строить толкования любых сколь угодно сложных языковых единиц. Изучая материал генетически и культурно различных языков мира, в том числе языков Папуа – Новой Гвинеи, австронезийских языков, языков Африки и аборигенов Австралии, Вежбицкая постоянно уточняет список семантических примитивов [2, с.13-38].

Из семантических примитивов, как из «кирпичиков», Вежбицкая складывает толкования даже таких тонких понятий, как эмоции. Так, например, ей удастся продемонстрировать трудноуловимое различие между понятием американской культуры, обозначаемым словом *happу*, и понятием, обозначаемым русским словом *счастливый* (и близкими ему по смыслу польским, французским и немецким прилагательными). Слово *счастливый*, как пишет Вежбицкая, хотя и считается обычно словарным эквивалентом английского слова *happу*, в русской культуре имеет более узкое значение, «обычно оно употребляется для обозначения редких состояний полного блаженства или совершенного удовлетворения, получаемого от таких серьезных вещей, как любовь, семья, смысл жизни и т.п.».

Для исследовательской программы Вежбицкой принципиально, что поиск универсальных семантических примитивов осуществляется эмпирическим путем: во-первых, в каждом отдельном языке выясняется роль, которую играет данное понятие в толковании других понятий, и, во-вторых, для каждого понятия выясняется множество языков, в которых данное понятие лексикализовано, т.е. имеется специальное слово, выражающее это понятие.

Наиболее значительные результаты в коммуникативно ориентированной этнолингвистике связаны с направлением, именуемым «этнографией речи» или «этнографией коммуникации» (Д.Хаймз, Дж.Гамперц и др.). В рамках этого направления изучаются модели речевого поведения, принятые в той или иной культуре, в той или иной этнической или социальной группе. Так, например, в культуре «среднеевропейского стандар-

та» неформальная беседа нескольких человек предполагает, согласно принятым в данном сообществе правилам хорошего тона, что участники не будут перебивать друг друга, всем поочередно предоставляется возможность высказываться, желающий высказаться обычно сигнализирует об этом (например, словами позвольте заметить, разрешите спросить и т.п.), желающий выбыть из числа участников беседы объявляет о своем намерении (к сожалению, мне пора, я должен ненадолго отлучиться) и так далее. Однако европейские нормы речевого этикета отнюдь не являются универсальными. Совсем иные нормы публичного речевого поведения приняты, например, в ряде культур аборигенов Австралии. Соблюдение индивидуальных прав отдельного участника разговора в этих сообществах не является обязательным правилом: несколько собеседников могут говорить одновременно, реагировать на высказывание другого не обязательно, говорящий высказывается, ни к кому специально не обращаясь, собеседники могут не смотреть друг на друга и т.д. Такая модель речевого поведения строится на исходной предпосылке, что все высказывания так или иначе аккумулируются в окружающем мире, и поэтому «прием» сообщения не обязательно должен непосредственно следовать за его «передачей».

Наряду с изучением кодифицированного, нормативного речевого поведения излюбленной темой этнографии коммуникации является языковое выражение относительного социального статуса собеседников: правила обращения к собеседнику, в том числе использование титулов, обращений по имени, фамилии, имени и отчеству (в тех языках, где имеется подобное обращение), профессиональные обращения (например, «доктор» или военные звания), уместность обращений «на ты» и «на Вы» и т.д. Особенно пристально исследуются такие языки, в которых соотношение социального положения говорящего и слушающего закрепляется не только в лексике, но и в грамматике. Примером может служить японский язык, где выбор грамматической формы глагола зависит от того, стоит ли слушающий выше говорящего в социальной иерархии или ниже, а также от того, входят ли говорящий и слушающий в одну социальную ячейку (один коллектив) или нет (т.е. является ли слушающий для говорящего «своим» или «чужим»). Кроме того, учитываются не только отношения между говорящим и слушающим, но также и отношения между говорящим и лицом, о котором идет речь. В результате комплексного действия этих ограничений один и тот же человек употребляет разные формы глагола при обращении к подчиненному и при обращении к начальнику, при обращении к сослуживцу и при обращении к незнакомому человеку, при обращении к своей жене и к жене соседа и т.д.

В грамматике находит отражение и такая особенность речевого этикета японцев, как стремление избежать вторжения в сферу мыслей и

чувств собеседника. В японском языке существует особая грамматическая форма глагола – так называемое «желательное наклонение». С помощью суффикса желательного наклонения – *tai* говорящий выражает желание совершить действие, обозначенное исходным глаголом: 'читать' + *tai* = 'хочу читать', 'уйти' + *tai* = 'хочу уйти'. Однако формы желательного наклонения возможны, только если говорящий описывает собственное желание. Желание собеседника или третьего лица выражается с помощью особой конструкции, приблизительно означающей 'по внешним признакам можно заключить, что лицо X хочет совершить действие Y'. Таким образом, подчиняясь требованиям грамматики, говорящий на японском языке может высказывать суждения лишь о собственных намерениях, делать же прямые утверждения о внутреннем состоянии другого человека, например о его желаниях, язык просто не позволяет: можно сказать «Я хочу...», но нельзя сказать «Вы хотите...» или «Он хочет...», а лишь «Мне кажется (у меня такое впечатление), что Вы хотите...» или «Мне кажется (у меня такое впечатление), что он хочет...».

Помимо норм речевого этикета, этнография коммуникации изучает также ритуализованные в тех или иных культурах речевые ситуации, такие, как заседание суда, защита диссертации, торговая сделка и тому подобные; правила выбора языка при межъязыковом общении; языковые конвенции и клише, сигнализирующие о принадлежности текста к определенному жанру (жили-были – в сказках, слушали и постановили – в протоколе заседания) и т.д.

Современная этнолингвистика, сложившаяся внутри комплексной науки о человеке – культурной антропологии – сохраняет тесные связи со смежными дисциплинами – семиотикой (наукой о знаковых системах), психологией, социологией и др. В российской этнолингвистике особое место занимают исследования на стыке этнолингвистики, фольклористики и сравнительно-исторического языкознания. В первую очередь это исследовательская программа, посвященная этноязыковой и этнокультурной истории славянских народов (Н.И.Толстой, С.М.Толстая, В.Н.Топоров). В рамках этой программы составляются этнолингвистические атласы, картографируются обряды, верования, фольклор; изучается структура кодифицированных славянских текстов определенных жанров, в том числе заговорных текстов, загадок, погребальных и строительных ритуалов и т.д., в соотнесении с данными сравнительно-исторических и археологических исследований.

Литература:

1. Бердяев Н.А., Судьба России, Москва 2005, с. 72
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997, с.488-576
3. Вежбицкая А.А. Язык. Культура. Познание. М., 1997, с.13-38
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества [1830-1835] // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984, с.37-298
5. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. - М.: Наука, 1988, с.141-172.
6. Культурология. XX век. Энциклопедия т.2. СПб., 1998, с.408-411.
7. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988, с.8-69.
8. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. - М.: Наука, 1988, с.173-204.
9. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Издательство «Индрик», 1995, с. 27- 40
10. Уорф Б.Л. Наука и языкознание. Лингвистика и логика. Отношение норм поведения и мышления к языку. – Новое в лингвистике, вып. 1. М., 1960
11. Хойер Г. Антропологическая лингвистика. – Новое в лингвистике, вып. IV. М., 1960
12. Хаймз Д. Этнография речи. – Новое в лингвистике, вып. VII. М., 1975
13. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994
14. Redfield R. The Little Community. Viewpoints for the Study of a Human Whole. Uppsala and Stockholm: Almqvist and Wiksells, 1955